

Филип
Пулман

Мистические расследования

Салли
Локхарт

Тигр в колоде

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава первая

СУДЕБНЫЙ ПРИСТАВ

Солнечным осенним утром 1881 года Салли Локхарт стояла во дворе собственного дома, наблюдала за маленькой дочерью и думала о том, что дела идут отлично.

Она ошибалась, однако узнать об этом ей предстояло лишь спустя двадцать минут. Человек, собиравшийся принести Салли дурную весть, был еще в пути. Ну а пока она была счастлива и отчетливо это ощущала, что вообще-то происходило с ней нечасто; обычно она была слишком занята, чтобы обращать внимание на подобные вещи.

Счастлива она была во многом благодаря своему дому — большому зданию эпохи Регентства, располагавшемуся в Твикенхеме и называвшемуся Фруктовым домом. Дом был большой, просторный, с железными балконами и застекленной верандой. Окна веранды выходили в сад, на большую лужайку, окруженную старой кирпичной стеной. По одну сторону от стены были разбиты цветочные клумбы, росли фиговое дерево и ползучий виноград, а по другую — несколько старых яблонь и слив, которые и дали дому его название.

Рядом с фиговым деревом стояло любопытное сооружение, похожее на веранду со стеклянной крышей, однако открытое со всех сторон. Внутри находилось что-то типа большой игрушечной железной дороги, рельсы лежали на подмостях, возвышаясь над землей почти на метр. Все это было построено ради фотоэкспериментов и требовало доделки, но Салли ждала, когда вернутся ее друзья.

Счастлива она была и потому, что у нее были отличные друзья: Уэбстер Гарланд, шестидесятипятилетний фотограф — ее партнер (название фирмы «Гарланд и Локхарт» объединяло их имена) и двадцатилетний Джим Тейлор, двумя или тремя годами моложе ее, — они заменяли ей семью. У Джима с Уэбстером все было общим — дом, приключения; они считали себя богемой, делали все, что им вздумается, были верными и преданными товарищами и сейчас находились в Южной Америке. Каждые несколько лет Уэбстер Гарланд поддавался своему желанию отправиться в какую-нибудь неисследованную часть света, чтобы пофотографировать. На этот раз Джим поехал с ним, и Салли осталась одна.

Правда, не совсем одна. В доме жила — еще один повод быть счастливой — прислуга: горничная Элли, кухарка миссис Перкинс и Робертс — садовник и одновременно конюх. Кроме того, Салли держала магазин фотопринадлежностей на Черч-стрит, куда приезжала раз в неделю проверять счета. А еще у нее было свое дело в Сити: она занималась финансовым консультированием — вопреки мнению тех, кто считал, что женщинам это не под силу, что

им не подобает заниматься подобными вещами, если они не хотят растратить свою женственность, и что ни одна особа, если она, конечно, в своем уме, не затеет ничего подобного. Дело у Салли было так много, что пришлось взять помощницу: сухощавую ироничную девушку по имени Маргарет Хэддоу; Маргарет окончила университет и тоже была феминисткой. Еще у нее работала восемнадцатилетняя девушка, которую Салли наняла няней для своей дочери, звали ее Сара-Джейн Рассел. Покладистая, милая Сара-Джейн была влюблена в Джима Тейлора (правда, об этом не догадывался никто, даже сам объект ее воздыханий).

Однако главной причиной для счастья была ее дочь. Харриет исполнился год и девять месяцев. Она ощущала себя центром мироздания, была эгоцентричной и настолько уверенной во всеобщей любви и внимании к себе, что просто искрилась радостью, как источающее свет солнце. Ее отец, Фредерик Гарланд, племянник Уэбстера Гарланда, никогда не видел своей дочери, потому что погиб во время пожара в ночь ее зачатия; будь он жив, Салли звалась бы миссис Гарланд, а Харриет была бы ее законнорожденной дочерью. Любовь Фредерика Салли завоевывала упорно, не жалея сил. Поэтому к Харриет она испытывала очень глубокие чувства — это была его кровь, его жизнь. Салли никого и никогда не любила так сильно, она и не мыслила себя без такой любви. Сразу после смерти Фредерика, когда и бизнес их приказал долго жить, она не находила в себе сил существовать дальше,

но, ощутив внутри упрямый сгусток жизни, не желавший сдаваться, поняла, что должна найти силы, мало того — просто обязана. Если попытаться забыть о той бездне, что разверзлась в ее душе после смерти Фредерика, жизнь наладилась — она была настолько хороша, насколько вообще могла быть хороша жизнь матери-одиночки во времена королевы Виктории; уж по крайней мере лучше участи многих женщин, страдавших в несчастливом браке. У нее были деньги, независимость, друзья, дом, интересная работа и была ее драгоценная Харриет.

Салли сорвала пару недавно созревших плодов инжира и понесла их на лужайку. Сара-Джейн сидела на деревянной скамейке, которую смастерил Уэбстер, и что-то вышивала, а Харриет помогала плюшевому медвежонку забраться по веревке, чтобы раздобыть немного воображаемого меда. Салли подсела к Саре-Джейн.

— Хочешь инжира? — спросила она, протягивая плод.

— Да, — ответила няня, — спасибо.

Неожиданно Салли увидела у ворот незнакомца. Он стоял и смотрел в какую-то бумагу. Затем открыл калитку и направился к парадному входу, скрывшись за домом.

— Хэтти, возьми инжир, — сказала Салли.

Харриет, завидев лакомство, бросила медвежонка и оказалась тут как тут. Она подозрительно разглядывала красную мякоть с крошечными зернышками. Салли сама откусила кусочек.

— Вот так, — заметила она, — не попробуешь — не узнаешь, каково это на вкус. И мишку угости.

Они покормили медвежонка, потом Харриет надкусила инжир и тут же изъявила желание до-есть все, что осталось.

— Она так быстро растет, — сказала Сара-Джейн. — Смотрите, платьице уже маловато. Скоро придется покупать новое.

— Надо измерить ее рост, — ответила Салли. — Сделаем зарубку на стене, да, Хэтти? Посмотрим, как ты выросла.

— Инжир, — тоном, не терпящим возражений, потребовала Харриет, протягивая руку Саре-Джейн. — Инжир, пожалуйста.

Салли рассмеялась:

— Нет, это инжир Сары-Джейн. Смотри, а вот Элли с гостем.

Харриет по-хозяйски обернулась посмотреть, кто удостоил их своим визитом на этот раз. Элли шла через лужайку, а за ней следовал тот самый незнакомец. Как успела заметить Салли, это был худощавый мужчина средних лет, в поношенном коричневом костюме и котелке. В руке он держал большой белый конверт.

— Мисс Локхарт, — неуверенно начала Элли, — джентльмен сказал, что должен видеть вас лично.

— Мисс Локхарт? — Мужчина приподнял котелок.

— Да, — ответила Салли, — чем могу быть полезна?

Филип
Пулман

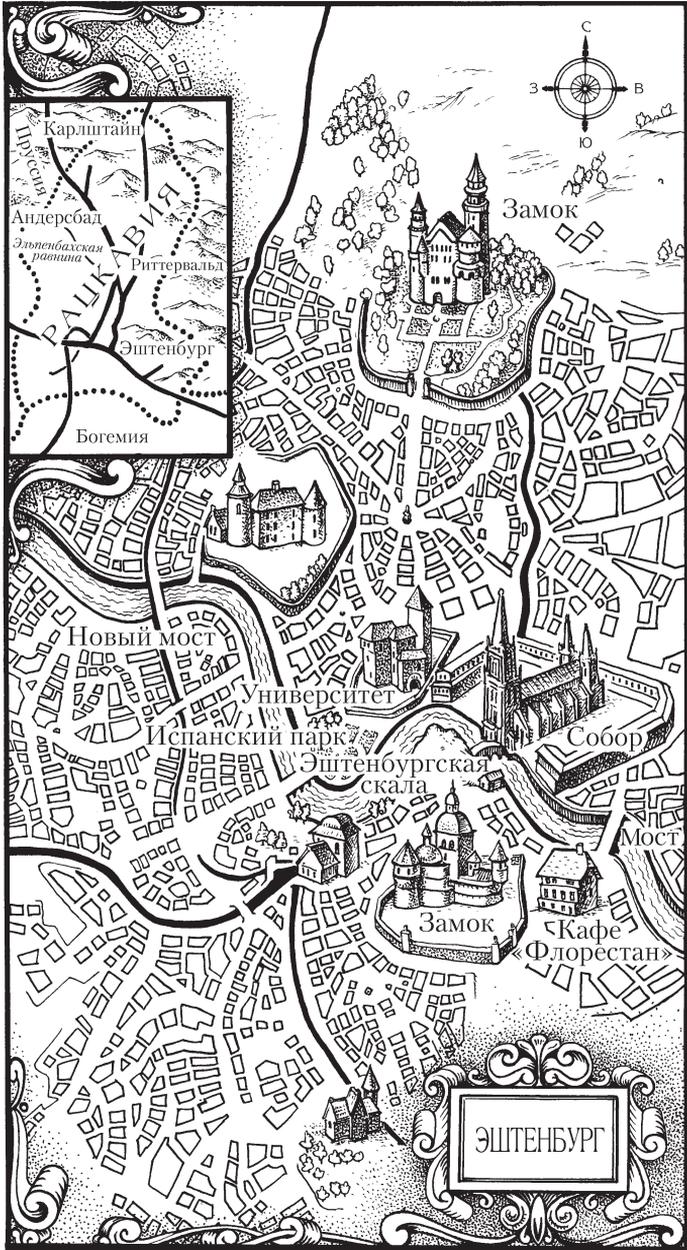

Пантственные расследования

Салли
Локхарт

Оловянная
принцесса

Глава первая

АДСКАЯ МАШИНА

Ребекка Винтер, девушка талантливая, обаятельная, но без гроша в кармане, дожила до шестнадцати лет и ни разу не видела взрыва бомбы. В этом нет ничего удивительного: Лондон 1882 года был не более взрывоопасен, чем сегодня, хотя уже и тогда динамит активно использовали как инструмент политики.

Так или иначе, в это прекрасное майское утро Бекки и думать не думала ни о каких бомбах. Солнце сверкало, маленькие тучки, похожие на клочья ваты, усеивали прозрачное, как аквамарин, небо, и девушка неторопливо шла по обсаженной деревьями дорожке предместья Сент-Джон-Вуд, что на севере Лондона, повторяя про себя немецкие глаголы. Она шла к своему новому ученику (по правде говоря, это был первый ученик в ее жизни), и Бекки хотела произвести самое лучшее впечатление.

Плащ на ней был сильно поношен, шляпка давно вышла из моды, и в подошве правого башмака протерлась дырка. Но это ее нисколько не беспокоило: никаких луж на дороге не было, в воздухе веяло удивительной весенней свежестью, и молодой человек в соломенной шляпе одарил ее, что называется, заинтересованным взглядом. В общем, Бек-

ки чувствовала себя великолепно. Она была взрослой, независимой женщиной — ну, или почти. С высоко поднятой головой она прошла мимо самоуверенного юноши, не удостоив его взглядом, и, сверившись с названием улицы, повернула направо, на бульвар, застроенный богатыми особняками.

Немецкий был первым языком Бекки. Вторым был английский, третьим — итальянский, четвертым — французский, пятым — испанский; она изучала русский язык и умела ругаться по-польски и по-литовски. Она жила с матерью и бабушкой в скромном пансионе в самой небогатой части Мейда-Вейл, где ее мать работала иллюстратором скандальных журнальчиков и дешевых романов. Они жили в этом районе с тех самых пор, как были вынуждены эмигрировать из своей страны в Центральной Европе; Бекки тогда было только три года. На плаву их держали собственное трудолюбие и помощь местной эмигрантской среды — бедной, шумной, сварливой и отзывчивой общины разносторонне одаренных людей почти из всех стран Европы. Разговаривать на нескольких языках для Бекки было так же естественно, как самой зарабатывать себе на жизнь, и соединить две эти вещи было вполне разумно.

В то же самое время Бекки страдала из-за того, что ей казалось несправедливостью судьбы. И хотя у нее была неромантическая внешность — слишком пухлые, ежеминутно готовые вспыхнуть румянцем щеки, черные, блестящие любопытством глаза и копна непослушных темных волос, — ее мятежная душа жаждала романтики и приключений. Увы, единственным ее приключением был роман

с мальчишкой из мясной лавки, случившийся, когда ей было двенадцать лет. Он уступил ей сигарету в обмен на поцелуй, прибавив, однако, что женщинам опасно курить, от этого они могут рехнуться. Они спрятались в кусты и стали курить попеременно, и Бекки стошнило прямо на его ботинки (и поделом!). Но ей хотелось иного. Бекки мечтала о кортиках, пистолетах и бутылках рома, а вместо этого ей приходилось иметь дело с кофе, карандашами и неправильными глаголами.

Впрочем, она умела находить утешение и в глаголах. Бекки была совершенно зачарована тем, как работает язык, и, раз уж ей не довелось жить вольной птицей в сицилийских пещерах, она была готова с головой окунуться в изучение лингвистики и филологии в университете. Но это стоило денег. И девушке приходилось делать то же, что и многим ее соседям-эмигрантам: давать объявления, предлагая свои услуги в качестве наставницы в немецком и итальянском.

Долго ждать ответа ей не пришлось.

Хотя ответ был довольно необычным. Молодой джентльмен, настаивающий исключительно на английском языке как средстве общения (хотя Бекки и ее мать сразу поняли, что его родной язык — немецкий), приглашал ее в свой особняк на Черч-роуд, номер сорок три, в Сент-Джон-Вуде для ежедневных занятий с мисс Биван. Деньги он предлагал немалые, при этом он явно смущался и говорил тихо. Бекки с матерью провели немало часов, обсуждая своего будущего работодателя. Бекки была уверена, что он анархист; ее мама столь

же уверенно стояла за его благородное, если не княжеское, происхождение.

— Я-то повидала в своей жизни князей, а ты нет, — говорила она. — Поверь мне, что это князь или принц. А что до *нее*...

Насчет мисс Биван у них не было ни единой догадки. Молода ли она, стара? Быть может, это ребенок? Или обольстительная шпионка?

«Ничего, — думала Бекки, — скоро все разъяснится». Она повернула на Черч-роуд и уже готова была войти в калитку дома номер сорок три, за которой виднелась обсаженная пышными лаврами дорожка, ведущая к красивому белому особняку, как вдруг чей-то голос ее окликнул:

— Простите, мисс...

Девушка остановилась в удивлении. Это был тот самый молодой человек в соломенном канотье. Как же это он ее обогнал?

Юноше было чуть больше двадцати, лицо его казалось живым и умным, зеленые глаза ярко блестели, а волосы были того же цвета, что и шляпа. В нем было что-то странное: судя по его внешности, он был настоящим джентльменом, но в его чрезмерной бойкости угадывалось близкое знакомство с конюшнями, черными лестницами и дешевыми забегаловками.

— Да? — обернулась девушка.

— Вы случайно не знаете юную леди, что живет в этом доме?

— Мисс Биван? Честно говоря, еще нет. Меня пригласили заниматься с ней немецким. А кто вы такой? И зачем вам нужно знать?

В ответ молодой человек вынул из жилетного кармана визитную карточку, которая гласила: «Дж. Тейлор, частный детектив», — после чего следовал адрес фотографической фирмы в Твикенхеме. На Бекки моментально повеяло ее романтическими снами.

— Вы детектив? Что же такое вы расследуете?

— Похоже, ваша мисс Биван именно тот человек, которым я интересуюсь, — ответил он. — Простите, что отнимаю у вас время. Могу ли я узнать ваше имя?

— Мисс Ребекка Винтер, — церемонно ответила Бекки. — Извините, меня ждут.

Он посторонился с насмешливым поклоном, приподнял шляпу и зашагал прочь. Бекки на секунду закрыла глаза, сделала глубокий вздох и, подойдя к двери, решительно позвонила в колокольчик.

Дверь ей отворила нахального вида горничная, одним взглядом давшая девушке понять все, что она думает о ее внешнем виде. Бекки отлично умела отвечать на такую наглость, высокомерно приподняв бровь, но слегка споткнулась о коврик, и эффект был смазан.

— Подождите здесь, — сказала служанка, проводив ее в гостиную рядом с лестницей и захлопнув за собой дверь.

Бекки очутилась в уютной маленькой комнатке окнами на улицу. Через распахнутое окно виднелись зеленые деревья на фоне синего неба и веяло свежестью. Роскошная, но чересчур массивная мебель загромождала комнату. Бекки не заметила ни единой книги, висевшие на стенах картины пода-